Сергей Юрский: «Тургенев писал свой роман о жизни и смерти, о любви, а не о политике»

Провинциальному журналисту редко выпадает возможность сделать обстоятельное интервью со звездой — если и случится поговорить, то на бегу, впопыхах. Но в этом случае повезло: знаменитый актер целые две недели снимается в наших краях и, несмотря на некоторое недоверие к СМИ, после предварительных переговоров согласился на интервью.

Мы приехали в Спасское-Лутовиново перед началом съемок. Сергей Юрьевич в гриме и костюме своего героя — Василия Ивановича Базарова (отца Евгения Базарова) — не спеша шел по аллеям усадьбы к съемочной площадке.

Отклоняясь от темы, заметим, что имение Базаровых (так называемая «Базаровка»), которое воздвигли кинематографисты в левом углу знаменитого мемориального парка (а это небольшой домик под соломенной крышей, как и описано в романе), настолько очаровало и впечатлило директора музея-усадьбы Н.И. Левина, что он уже поспешил похлопотать насчет «закрепления» этого чудного домика за усадьбой и хочет открыть здесь еще один филиал — музей романа «Отцы и дети». А и в самом деле, дом Базаровых очень органично вписался в пленительный антураж дворянской усадьбы — Спасского-Лутовиново. Как будто век тут, среди лип, и стоял.

— Сергей Юрьевич, как вам атмосфера Спасского?

— Очень хорошо!

— Вы впервые здесь?

— Нет, не впервые. Я был здесь раньше, даже кино снимал. Это был, если не ошибаюсь, 1983 год. Снимал фильм о Тургеневе. Был тогда на телевидении такой просветительский — третий — канал, вот для него. А фильм так и назывался — «Тургенев». Это был анализ личности, творчества писателя, отрывки из многих его произведений сыграны.

— Как вы находите усадьбу теперь, какие изменения с тех пор?

— Тогда я усадьбу оценить не мог, мог оценить только деревья и пространство. Пространство изумительное, оно все определяет. А сейчас я посмотрел усадьбу, в каком она виде — изумительном, ухоженном, атмосферном, дышащем. Здесь главное — природа. Не говоря уже о том, что хорошо нам для съемок: на одной территории расположены сразу два объекта (усадьба Кирсановых Марьино (снималась во «флигеле изгнанника». — ***Прим. ред.***) и усадьба Базаровка) — это дает шанс быстро снять картину.

— Авдотья Смирнова, говорят, снимает фильм о любви. Но роман написан о самом главном русском вопросе — за кем правда? Ведь «отцы» и «дети», как мы знаем со школы, это представители разных поколений преобразователей России, либералы и демократы...

— Да, общественная борьба в романе отражена, правда, не в той остроте, как это было почти в те же годы у Достоевского, допустим, или у Лескова, или у Некрасова. Тургенев издали выглядит для нас более мирным писателем: он прославитель русского языка, прославитель русской природы... Но этот роман, на мой взгляд, один из лучших русских романов вообще. И куда более корневой, чем споры славянофилов и западников.

— В романе Базаров — радикальный революционер...

— Вам кажется, что Базаров революционер? Разве? Я этого не вижу. Нигилист! От нигилизма родилось определенное направление в революции, да. Но сам нигилизм — это некое отношение человека с Богом, а не с обществом. Он безбожник... Но не всякий безбожник революционер и не всякий революционер — безбожник..

— Но ведь у него есть фраза: «Разрушить все».

— Это в нем говорят недовольство, ненависть к тому, что застоялось и гниет. А это, действительно, так было. Но конфликт романа все же нужно рассматривать не столько в общественном плане, сколько в плане взаимоотношений с Богом. Тургенев в советский период в нашей стране отошел на второй, даже на третий план — на первый план вышли Достоевский, Лесков как более нервные писатели. Но более спокойный Тургенев, как мне кажется, оказался более вечный, более современный.

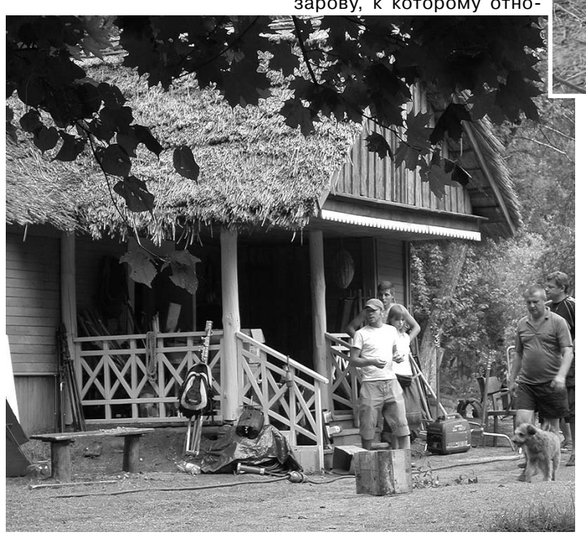
— А в чем вы усматриваете его современность?

— Он говорит о том, что в русском обществе есть несколько главных разломов. То направление, которое взяли Толстой и Достоевский, — это одно, а Тургенев — скромнее гораздо, взял на себя другое, название романа и определяет это. Кто такие, отвечает он, новые люди. Так это Василий Иванович — старший Базаров, называет себя homo novus. Он есть человек, тянущийся к просвещению, хотя совершенно от земли, штабс-лекарь. Проблема «отцов и детей» — проблема темпераментов. Темпераменты совершенно разные. Вот эти шесть характеров: два Кирсанова, их сын и племянник Аркаша и семья Базаровых. На их примере Тургенев рассмотрел вертикаль времен. И был отмечен этот несовпадающий ритм двух поколений. И вместе с тем в романе есть чудесное, призывное к сегодняшнему дню стремление этих поколений друг к другу. Ведь в принципе эти семьи — замечательные, а жанр романа — трагедия. Это не бунт против родителей. И здесь нет прямого вызова: я вышел из этой среды и не хочу в ней быть! — сколько на эту тему романов. Но здесь дети принимают родителей, ценят их любовь, но ответить на нее не могут, потому что полное несовпадение направлений: другие люди, не новые люди, а другие. А то, что новые — и Василий Иванович Базаров новый человек, и Павел Петрович — новый, потому что западник, это тоже новый человек. Разрушающий традицию квасного русского пребывания.

— Это как разная степень новизны...

— Вот-вот! Для меня этот роман (и сценарий) абсолютно сегодняшний. А значит, должен трогать и развлекать сегодняшнего человека. Если человек способен быть тронутым.

— Видите ли вы проекцию коллизий романа на нынешний политический расклад в стране?



— Впрямую не вижу, а невольно приходит сравнение. Сегодня я вижу невероятный раскол общества, с невероятно опасными тенденциями. Особенно опасными потому, что средств воздействия на миллионы людей сейчас много больше, чем было даже 15 лет назад. Манипулирование мнением людей, настроением, их вкусами настолько возросло, что это крайне опасно. Такой раскол в обществе... Кто ухватит рычаги управления, может заворачивать куда хочет. А море, по которому мы плывем, оно ведь нормальное, настоящее море: в этом море есть рифы, есть хоженые дороги, а есть и нехоженые дороги, неизвестные, а там может быть что угодно, там могут быть и мели, и камни... Поэтому время крайне опасное. Хорошо заглянцованное сверху — вроде бы сверкают огни: посмотреть на сегодняшнюю сверкающую Москву. Но стоит подъехать с другой стороны, чуть-чуть глазу свернуть от того направления, на которое тебе указывают, и все иначе будет, совершенно иначе. И эта благополучная часть окажется островком в море того, что еще совершенно неблагополучно. И вот тут раскол и идет. Один говорит: да вот же как все нормально, а другие — вот-вот сейчас рванет. Мне кажется, что нечто похожее есть и в романе. Не буквально, конечно...

Ведь говорить, что 17-й год свалился к нам из поезда, пришедшего из Германии, это не соответствует действительности. Говорить о том, что русская действительность была идеальной, а революционеры взяли и сломали и все стало плохо, — ложь. Доказательство того, какой была Россия, — это Чехов, Горький, это Толстой, вся наша литература. И Тургенев. Потому что, кроме того, что мы с вами сейчас обсуждаем, кроме конфликта отцов и детей, есть еще и проблема народа. Русский крепостной — это ведь очень важная часть этого романа, и написан он с куда большей внимательностью, чем эту тему рассматривали Пушкин, Гоголь и Достоевский (Достоевский писал о бедных людях, но это были низы города, это был другой социальный разрез). А вот то, что составляет основную массу русского народа, — это по-своему мудрый, но непросвещенный и дикий народ, с которым даже Базаров не находит общего языка. Это внимание Тургенева к народу удивительно, этого внимания, на мой взгляд, не хватает сейчас. Потому что сейчас готовятся к выборам, создаются партии и все прочее — они пытаются оптом подкупить или завлечь этот самый народ. Но разрыв, с тех тургеневских пор оставшийся, между крепостным состоянием одних и барственным положением других сохранится до сих пор. И Тургенев, оказалось, зорче других это разглядывал. Следующий — уже Чехов.

— Как вы думаете, как Тургенев относился к народу? Я не нашла определенного ответа на этот вопрос в романе.

— Он честный автор. Он не дает законченных ответов. Он во многом человек из-за границы и не пытается сказать, приехав из-за границы: дескать, вот теперь я все у вас вижу... Он говорит: вот что я замечаю. И передает это воззрение своему герою, Базарову, к которому относится очень сложно: и с любовью, и с опаской, и со всеми возможными оттенками любви и тревоги. А Базаров относится к народу примерно так же, как впоследствии Горький относился — т. е. я сам из народа и поэтому имею право сказать: «Вы — на уровне животных, никакой вы не богоносец, ничего я от вас не жду». Но Тургенев от себя не рискует такое сказать. Вот, мол, мой герой так говорит: замечаю многое, но, однако, я же сам из этого народа и вижу, что здесь все же живут и дух, и мысль, и сердечность и т. д.

— У вас есть какая-то концепция образа вашего героя?

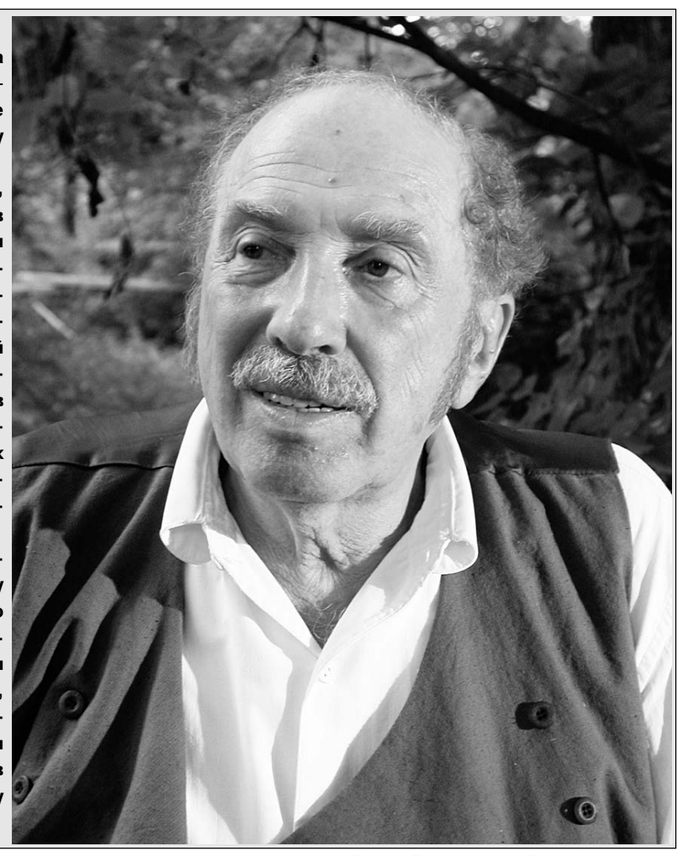
— Нет.

Биографическая справка

Сергей Юрьевич Юрский родился 16 марта 1935 года в Ленинграде. Окончив школу, в 1952—1955 годах учился на юридическом факультете Ленинградского университета, а в 1959 году окончил Ленинградский театральный институт.

В 1957 году стал актером ленинградского БДТ, на сцене которого сыграл свои блестящие роли в знаменитых спектаклях, поставленных Георгием Товстоноговым: Чацкий в «Горе от ума» А.С. Грибоедова, король Генрих IV в одноименном спектакле по пьесе В. Шекспира, профессор Полежаев в «Беспокойной старости». С 1979 года Сергей Юрский работает в Москве, в Театре им. Моссовета. В кино актер дебютировал в 1959 году (в фильме «Повесть о молодоженах»). Первая крупная роль — Чудак в фильме Э. Рязанова «Человек ниоткуда» (1961) — показала незаурядное мастерство Юрского, органично сочетающего комедийные и драматические черты персонажа.

Его лучшая роль в кино — Остап Бендер в «Золотом теленке» Михаила Швейцера. В 1979 году в телефильме «Маленькие трагедии» (по А.С. Пушкину) этого же режиссера актер исполнил роль Импровизатора. Интересны его работы в фильмах «Место встречи изменить нельзя», «Республика ШКИД», «Интервенция», «Король-олень», «Ищите женщину»... Сергей Юрский сам поставил несколько фильмов на телевидении, в том числе и по своим сценариям. В 1989 году опубликовал книгу «Кто держит паузу».



— Вы никогда не выстраиваете образ своего героя теоретически?

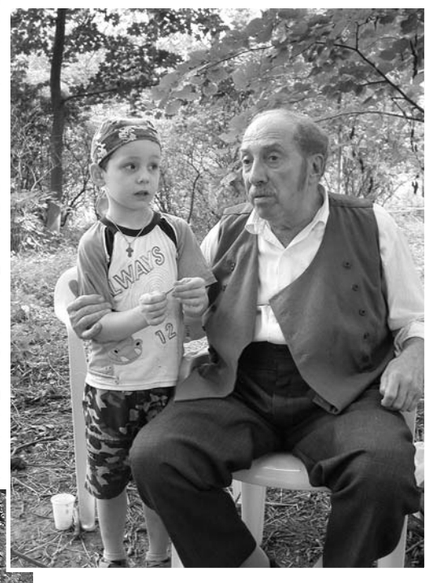
— Просто я стараюсь об этом не говорить. Единственное, что скажу из того, что уже сыграно и что уже было предметом обсуждений — я настоял на своем: Василий Иванович Базаров — не кичащийся своей псевдообразованностью, а по душе истинный врач, он врачует, и если не помогает его помощь, он тревожится и расстраивается, а не выставляет себя: я знаю! Он говорит: я чего-то не знаю, но я хотел бы знать. Это человек, рвущийся к просвещению. Столь редкая сейчас фигура. Столь редкая, почти невозможная. А вместе с тем отражает определенную сторону русского сознания. Вот это стремление быть лучше, образованнее, узнать, что в мире происходит, для того чтобы уметь помогать людям... Это истинно христианское сознание. Конечно, это есть в романе — христианское, православное сознание. И это очень местное, русское сознание.

— Мы, русские, всегда были учениками европейцев...

— Он это и подчеркивает! Он столько цитирует, столько называет фамилий европейских знаменитостей, что это доходит уже до комизма. Он хочет в Гейдельберг, в Дерпт, он сейчас бы поехал учиться. Но... куры, дрова, печка, крестьяне... Да и расстояния, дорога... пока доедешь до этого Гейдельберга, все потеряешь...

— Вы прекрасная пара с Натальей Максимовной Теняковой, незабвенны вы в любимом народом фильме «Любовь и голуби». Тот тонкий юмор, что всегда сопутствовал вашей паре в кино, будет ли он использован в этом фильме?

— Конечно, я иногда думаю, что Дуня нас взяла не только потому, что мы близко знакомы через ее отца Андрея Смирнова, но и потому, что была вот такая пара. Но не знаю, это лучше у нее спросить. Но какая-то проекция есть. Хотя дядя Митя и тетя Шура... Ведь дядя Митя — это, конечно, вырожденческая фигура — обаятельная, но вырожденческая. Вырождение полное! Это человек без корней, без детей и без всего. Это вырождение той же самой линии, что Василий Иванович. Потому что в нем осталось много благородного: это самостоятельность, достоинство, при всем его попрошайничестве, умение быть самим собой, он никем не притворяется. Как и Василий Иванович: любя безумно сына, он остается собой. И потом, эти две пары: дядя Митя и тетя Шура — Василий Иванович и Арина Власьевна — они ведь неразлучные. И это тоже общее, схожее.



— У вас с супругой богатый опыт совместной театральной работы?

— Колоссальный. Мы с Наташей играли более чем в 25 произведениях. Это третий наш Тургенев: первый был в советские времена в фильме «Где тонко, там и рвется», а потом мы играли в этом тургеневском фильме, что здесь снимали, где были отрывки из разных его произведений, а это третий. А что касается его текстов — это чудное плетение слов! Он как актер говорит. Это замечательный автор. Легко или трудно работать с его текстами, это не первый вопрос. А первый — что это содержательная, без мусора речь, хотя она естественна, она разнообразная у разных персонажей, но она лишена мусора .

— Вы сейчас в кино редко снимаетесь?

— Я никогда часто не снимался. Я снимаюсь, но меня не особенно влечет сегодняшнее кино. Потому что место, которое занимает актер в современном кино, уменьшилось почти до нуля, поэтому задачу свою в кино не очень понимаю.

— Но ведь сейчас так много возможностей, так много сериалов...

— Так в том-то и дело. Ведь сериалы — это технологичное производство, в котором что-то пробивается случайно. Этот сценарий — исключение. Потому что количество сценариев, которые мы с Натальей Максимовной отвергли — иногда в форме вежливого отказа, иногда в форме ответной грубости, — я думаю, приближается к сотне за эти годы. Потому что это было ужасно. Это не значит, что не бывает исключений. Вот этот фильм — исключение. И то, в чем я иногда снимаюсь — иногда! не всегда! — принадлежит к исключениям.

— Поговорим о ваших театральных работах. Недавно довелось посмотреть спектакль в Театре им. Моссовета, где вы играли Фому Опискина, и хочу передать вам свое восхищение — такую актерскую самоотдачу на сцене не часто встретишь сейчас... Спасибо огромное!

— Спасибо. Но годы берут свое, и многое сыграть уже физически тяжело, в том числе и Фому Опискина. Хотя он идет по-прежнему — примерно раз в месяц. Но вот спектакль «Стулья» по Ионеско — один из самых принципиальных и любимых мной спектаклей, мы с Наташей кончили играть по той причине, что просто сил не хватало — там сверхнагрузка. И сейчас, когда я 50 лет отработал на сцене — я кончил 50-й сезон, вот начинаю 51-й, — я буду гораздо меньше сценой заниматься, я буду заниматься кино. Конечно, это работа по 12 часов в день, но это две недели — и все. А сейчас я тоже сниму картину для телевидения. Это будет «Лысая певица» по Ионеско. Но с тревогой думаю, как я это выдержу, потому что я там буду играть, я всегда играю в своих постановках — и в театре, и в кино. И будет трудно.

— Почему такое пристрастие к Ионеско, к драматургии абсурда?

— Абсурд — это то, что является, мне кажется, самым современным инструментом, способом построения спектакля (или фильма, или произведения литературы), который дает возможность хоть в какой-то степени воздействовать на сегодняшнего потребителя искусств, потому что это и отражает нынешние ритмы, и раскалывает внезапностью, непривычностью. Абсурд всегда требует непонятного, нового, резкого поворота — вот это сейчас необходимо. Кроме этого, я люблю поэтику Ионеско, он мне близок, видимо, чем-то. Но я играю его в собственной обработке и в собственных переводах, поэтому спектакль будет называться «По поводу «Лысой певицы». Телеспектакль заказал канал «Культура», это будет фильм на 52 минуты. Так называемый малобюджетный фильм — все будет сниматься в одном помещении. Я бы хотел, чтобы это было помещение маленького театра Петра Фоменко, на фоне его стен. Там должно быть минимальное количество предметов и какой-то обстановки. Здесь вот всего полно (и, действительно, съемочная площадка сплошь уставлена многочисленными предметами крестьянского быта: грабли, телеги, лопаты.., да к тому же еще и живность — гуси, утки, индейки. — ***Прим. ред.***) Вчера вот из-за керосиновой лампы мы сидели тут до ночи. Я считаю, что это слишком уж они... А в моем спектакле будет совершено абстрактное нечто.

— А вы что-то хотите сказать сокровенное в своей «Лысой певице» или это просто отклик на заказ канала «Культура»?

— Ни в коем разе – это было мое предложение, моя настоятельная просьба, которая долго не находила никакого отклика. Вот мы говорили, что язык Тургенева лишен мусора. А язык Ионеско состоит из одного мусора словесного, который, мне кажется, есть комическая карикатура на нас, сегодняшних людей, хотя это написано в 1952 году, т. е. больше полувека назад. Это на нас пародия, на всех говорящих по мобильному телефону. Все слова давно сказаны, все они повторяются. Это царство банальности, это царство чепухи, где совершенно несусветные, не подлежащие никакому вниманию вещи становятся темой рассуждений и бесконечных разговоров. А то, что должно быть достойно внимания, идет мимо. Абсурд в том, что люди соскочили с колеи и не заметили этого, давно уже едут без рельсов, так можно сказать.

— Но, по-моему, главный смысл пьес Ионеско как раз в том, что людям трудно докричаться друг до друга, что они безнадежно одиноки, что взаимопонимание между ними невозможно...

— Нет. Хотя один из самых любимых авторов Ионеско — это Чехов, но он не особо людей жалеет, а просто констатирует факт. Чего они докричаться не могут? Ну докричатся они — и что будет? Это не одиночество личности. Потому что это никакие не личности. ...Это жестокие вещи, очень жестокие.

— Вот вы и о Тургеневе сказали, что он просто констатировал, что видел. Но ведь его в России считали прежде всего идеологом общественного движения, стремящегося к переменам в России... Помните, сколько шума наделал роман, Базарова не приняли?..

— Это тема тех времен. Сейчас никто не скажет, что это карикатура, никто. Наоборот, узнают сегодняшнего человека, это герой нашего времени — именно тургеневский Базаров, естественный человек.

— Вы считаете его естественным человеком?

— В сегодняшнем дне — да. Он мне не очень близок. Тургенев — очень сильный автор, и я на стороне автора. Но автор, наверное, — с легкой иронией, правда, — ближе всего к Павлу Петровичу. Василия Ивановича он любит, но тот — сторонний человек для него. А вот Павел Петрович — самораскрытие. И Базаров для него интересен. И в паре Аркаша — Евгений он выбирает Евгения, совершенно определенно.

— Зритель знает вас прежде всего по роли Остапа Бендера — не находите ли вы сходство этого вашего героя с некоторыми политическими фигурами нашего времени?

— Остап Бендер — великий комбинатор. Это точное его определение. Но под комбинацией имеется в виду не спекуляция, а строительство неких пирамид — и умственных, и деятельных. Он артист — прежде всего это артистичная натура. Из наших политиков артистичность — правда, несколько другого рода — есть у Жириновского. Но если бы Бендер стал политиком, это было бы очень опасно. Ведь если бы он стал руководителем партии, то в партии были бы не один Шура Балаганов, а, скажем, полмиллиона, не один Паниковский, а 300 тысяч, не один Козлевич — а 200 тысяч... Но партия, состоящая из миллиона Балагановых, извините, меня бы никогда не привлекла. Да, думаю, что и Бендера бы не привлекла.

— Как вы думаете, почему Тургенев дал умереть своему герою — Базарову, он что, не видел перспектив для такого рода «новых людей» в России?

— Да, наверное, так. Но Тургенев очень далек от символизма. Травка, которая выросла возле дерева — она не символизирует у него жизнь, которая может заглушить старую, а она есть действительно трава, у которой есть название; и надо принять решение: или надо дать дереву расти, или, наоборот, дерево срубить и дать расти этой траве. Это проблема естественной жизни, а не символики. Это драма жизни, Божьего мира.

— То есть вы хотите сказать, что Тургенев в «Отцах и детях» не навязывает читателю своего ответа на вечный русский вопрос — за кем из преобразователей России правда? — а просто следует логике жизни?

— Я думаю, он таким финалом — смертью Базарова, описанием его могилы — хотел примирить всех «преобразователей» в России. Ведь перед лицом смерти все споры и разногласия кажутся ерундой. Одна раночка маленькая — и приходит смерть, приходит конец всему, вообще ничего не остается... Так что этот роман все же скорее о жизни и смерти, и о любви. А не о политике.

— Сергей Юрьевич, чтобы оживить в памяти ваш «питерский период», накануне интервью с вами я заглянула в книгу Г. Товстоногова «Круг мыслей». Так в этой книге, в том месте, где описывается ход репетиции «Генриха IV», приводится ваша реплика: «Перед фактом смерти все меркнет, все ерунда...». А было это в 1959 году...

— Да, да, да... Я с 1957 года играл на сцене БДТ. В «Генрихе IV» у меня была роль короля. Но вот уже тридцать лет — в Москве. Хотя мы все в семье — питерские.

— Сергей Юрьевич, читатель меня не простит, если я не спрошу вас о семье.

— Семья у нас маленькая – актерская, традиционно с одним ребенком. Единственный сын я был в семье, единственная дочь Наташа была в своей семье, у нас единственная дочь Дарья, артистка МХАТа, у нее единственный сын, наш внук Георгий. Вот и весь состав.

Беседу вела Татьяна ПАВЛОВА. Фото автора.